
РЕЦЕНЗИИ

Д. В. ПИВОВАРОВ

**В. Д. Жукоцкий. Маркс после Маркса.
Материалы по истории
и философии марксизма в России**

Нижевартовск: Изд-во «Приобье», 1999.

Книга состоит из четырех глав: «Философская антропология К. Маркса и религиозная культура» (гл. 1), «Учение К. Маркса и судьбы русской культуры в XX веке» (гл. 2), «Интеллигенция, церковь и революционное сектанство: социально-культурные предпосылки русского марксизма» (гл. 3), «Русская революция: пророчества, смысл и судьба» (гл. 4). В тексте речь прежде всего идет о религиозном измерении жизни и учения Маркса, а также о внутренней предрасположенности русской культуры XX века к марксистскому вероучению. Религия определяется в книге нетрадиционно – «как совокупная система вероисповедальных форм, выстраивающих иерархию ценностей и идеалов, восстанавливающих онтологическую связь сущего и должного, открывающих и транслирующих прозреваемую полноту жизни» (с. 5). Авторская методология «свободной религиозности» опирается на протестантскую этикотеологию Канта, религиозное учение Л. Н. Толстого, на концепцию Н. А. Бердяева о религиозной сущности марксизма и русского социализма, а также на идеи В. В. Розанова и З. Фрейда о связи религиозности и сексуальности человека. В целом книга В. Д. Жукоцкого – это апология «потенциального» марксизма.

«Необходимо, чтобы вернулся К. Маркс. От его *второго пришествия* напрямую зависит будущность современной гуманистической традиции философии и культуры, ее способность противостоять захлестнувшему общество технократическим тенденциям» (с. 3). Таков символ веры В. Д. Жукоцкого, который полагает, что Маркс продолжил дело Христа, явив людям особый завет «свободной религиозности» – социоцентрическую религию гуманизма, атеистическую по своей сути. Маркс, внук раввина, избрал «путь священника и пророка в миру», стал раввином социалистического революционного гуманизма, боролся с

властью денег и «был распят на кресте нищеты». Подобно Христу, изгонявшему менял из храма, он захотел избавить человечество от культа частной собственности, поскольку он мешает свободному объединению человечества во всемирную общность и возделыванию огня любви друг к другу. Общество – храм, но храм оскверняет меняла-капиталист, и избавление общества от его господства – святая обязанность гуманиста.

Автор напоминает читателю, что в учении Маркса высвечена специфическая природа человека, а именно особая человеческая материальность социальной связи. Социальную сущность человека легче всего разглядеть в экономических отношениях. Человеческая личность – это индивидуальная действительность общества. Если людям удастся преодолеть социальное отчуждение и установить всеобщее имущественное равенство, то *социальное* в обществе непременно возьмет верх над *натуральным*, окончится предыстория человечества. Лишь коммунизм способен обеспечить истинное восхождение человека к самому себе, в Эдем, как полноту всех социальных отношений.

Маркс, скорее всего, верил, что человек сотворен космическим простором: путем бесконечного творческого саморазвития универсум результировался и сконцентрировался в социальной материи. Поэтому человек есть абсолютная ценность, поклоняться можно только потенциально развивающемуся человеку. Социальная природа человека испорчена, негреховна, совершенна, – вторит Марксу автор (с. 53). Идея бесконечной эволюции и восхождения материи к абсолютному в человеке, через которого эта субстанция осознает себя, не могла, разумеется, возникнуть из профанного опыта. Такая атеистическая идея обусловлена религиозной тоской по беспредельному, интуицией мира как целого. «Исконная христианская заповедь всемирности человека, – пишет В. Д. Жукоцкий, – восстает в марксизме и уже не терпит компромиссов» (с. 55), а марксистский атеизм не антирелигиозен и озабочен не тем, как ниспровергнуть Бога, а как создать такие социальные условия жизни людей, при которых традиционная религия превратится в свободную религиозность (с. 58). Личная религия Маркса, по утверждению автора, дуальна – она снимает в себе теизм и атеизм, диалектически сплавляет образы божественного Иисуса Христа и богоборца Прометея. Христос воспламеняет души нравственным огнем любви, а Прометей несет людям материальный огонь творчества. Маркс, уверяет нас автор, всегда следовал в жизни христо-прометеевскому идеалу, а реализация конечных целей христианского теизма мыслилась пророком коммунизма в атеистическом исполнении.

«Чем менее исторически развит человек и его культура, тем более суров и непоколебим его Бог, – читаем у В. Д. Жукоцкого. – И наоборот, чем более развит человек и его культура, тем более незаметным оказывается божественное присутствие <...> и само слово «Бог» *выходит* за рамки непосредственной жизнедеятельности человека и *остаётся* в самой могущественной сфере человеческого мирозерцания – в сфере *непроговариваемого* смысла, в сфере *тишины*, как спасительной

субстанции человеческой экзистенции, о которой писал М. Хайдеггер, по-своему воспринявший голос Маркса» (с. 19). Согласно концепции Жукоцкого, Маркс, углубляя соответствующие реформаторские идеи Канта, провидит, что грядущая глобальная секуляризация и социализация христианства принципиально обновит религиозную культуру через установление паритета между теизмом и атеизмом, и новая культура будет произрастать на фундаменте *свободной религиозности*.

Это пророчество, говорится в книге, сбылось в нашем веке, хотя и с досадными поправками. Во-первых, из-за резкого отклонения от традиционной религиозности реальная свободная религиозность отличилась зигзагами квазирелигиозных систем советизма и нацизма; во-вторых, катастрофические формы распада последних породили ныне реакцию религиозного фундаментализма. «На этом фоне, как абсолютная поляризация, заявил о себе культ свободного рынка, – религиозная доминанта абстрактного либерализма. Формально он ближе всего к идеалу свободной религиозности, но на деле он создает условия, горючий материал, для самой мрачной реакции» (с. 59). Так что пока надежды на глобально радикальную форму социализации и секуляризации религиозной культуры не оправдались. «В них обнаружилось гораздо более компромиссного, чем это мог себе позволить Маркс-революционер, и гораздо больше практических противоречий, чем это мог себе позволить Маркс-теоретик. А в результате выиграл Маркс-философ» (там же).

Более половины текста отведено обсуждению причин прорастания семени марксизма на русской почве и превращения этой формы атеистического христианства в государственную религию СССР. «Но подобно греческому православию, пришедшему на Русь из Византии, – пишет Жуковский, – западный марксизм обрел на русской почве собственное звучание, стал явлением глубоко национальным. Во всяком случае Россия оказалась единственной страной мира, которая исключительно собственным усилием возвела марксизм на государственный престол» (с. 65). Культура серебряного века, антибуржуазная по своему характеру, никак не могла вписаться в нормы либерализма западного типа, и альтернативой либерализму казался неведомый социализм, освобождающий народ от материального рабства.

Русская интеллигенция в большинстве своем, настаивает В. Д. Жуковский, утратила сакральное отношение к государственному православию, сросшемуся с ненавистным царизмом. Ее левое крыло стало своего рода монашеским орденом, сектантски-религиозный протест которого против власти вырос до фанатизма. Интеллигенция открыла в марксизме мощный потенциал новой религии – религии осознавшего свои силы абсолютного человечества. Большевизм, по определению автора, это особая, атеистическая, форма религиозного протеста против засилья патриархальной религиозности; он устремился в будущее и не был ортодоксом архаики (с. 82). Выполняя функцию религиозного обновленчества, большевистский марксизм смёл духовный Ренессанс культуры серебряного века и преобразил мессианскую идею христиан в идею пролетарского мессианизма – в сакральную идею

Человека-творца, способного обновить устои мира. «Вся история Советской культуры представляла собой эволюцию от абсолютного господства религиозного к абсолютному господству светского ее компонента. И только пересечение грани минимально допустимой религиозности советизма привело к утрате самой парадигмы культуры и лихорадочному поиску нового равновесия» (с. 85).

«Церковь, преобразованная Петром, – полагает В. Д. Жукоцкий, – не хотела, да и не могла противостоять своему насильнику – государству. Но ее оскорбленная сущность, ее погранный теократический идеал нашли-таки парадоксальный способ мести – через русскую интеллигенцию. И уже не важно было, что и она сама попадала под нож нового властителя. Важно было торжество *новой теократии*, пусть даже светского типа. Важна была победа самого православного принципа священного теократического царства. Это могло быть вполне сохраняющее традиции христианское царство по образу и подобию Святой Руси (именно к этому варианту склонялись веховцы). Но это могло быть и прошедшее преобразование СОВЕТСКОЕ царство» (с. 108).

Большевистско-советская «теократия» укоренена в культурно-историческом способе функционирования православия, считает автор. Она высвобождала религиозную энергию русской нации, тянувшейся к живому богу и мечтающей о вселенском преображении мира. Радикализм интеллигенции произведен от деспотии государства. Церковь уже не могла организовать и возглавить народную жизнь, выродилась в «министерство православной идеологии». Ее конфликт с Л. Н. Толстым ярко высветил отчуждение народа от государственного православия. Даже храм уже не объединял прихожан – паства церкви стала разобщенной, атомизированной. Усилился культ странничества. В форме хлыстовства Г. Распутина странничество проникло даже в сердцевину государства. Империя ощущала сильнейшую потребность в духовной реформации.

В образовавшийся духовный вакуум устремилась марксистская идея. Раскол на левых и правых, подобно противостоянию католиков и протестантов в Западной Европе, произошел по глубинной линии мировоззрений. Автор умозаключает, что русская революция была не прихотью, но судьбою России, решала вопрос об Абсолюте и была прежде всего явлением религиозного порядка. Ленин явил собой русского Лютера. Подлинным ловцом русского религиозного чувства и тоски по живому Богу-Отцу оказался в конечном счете Сталин.

В начале XX века, доказывает В. Д. Жукоцкий, существо марксистского мировоззрения просто не могло быть воспринято нерелигиозно, и каждое его истолкование (Лениным, Луначарским или Бердяевым) было отмечено печатью религиозности. Общая логика секуляризации русской культуры требовала от марксистского гуманизма жёстко и догматично противостоять агрессивной православной догматике, и борьба с православием вылилась в религиозную войну между патриархальным христианством и его новой версией – коммунистическим протестантизмом атеистического толка. «Мы слишком мало отдаем себе отчет в том, –

подводит итог автор, – что и саму революцию и последовавшие за ней десятилетия сталинского термидора с их глобальными разрушениями и не менее глобальными созиданиями новой культуры, невозможно понять вне контекста логики религиозных войн» (с. 156).

В. Д. Жукоцкий жёстко применяет к анализу религиозных процессов России марксистский принцип истолкования явлений их внутренними причинами. Постоянно акцентируя на тезисе о естественности русского атеистического протестантизма, он пытается убедить читателя, будто судьба России в XX веке решительно обусловлена ее собственными культурными противоречиями, но вовсе не некими внешним влиянием и происками ее врагов. Идеологическое острие книги направлено против утверждений о случайности и искусственном характере распространения марксистского культа в России, будь то утверждения в духе теории иудео-масонского заговора, либо теории организации государственного переворота и захвата власти партией Ленина на немецкие деньги.

Однако объяснение исключительно на основе «внутреннего принципа» обычно узко и односторонно. Разве у России не было и нет опасных врагов, использующих ее внутренние трудности и коварно «подсказывающих» способы их преодоления? Разве русский внутрикультурный кризис начала XX века при всем изобилии возможных его разрешений непременно должен был иметь «марксистский исход»? Это, по-моему, риторические вопросы. Вряд ли автору стоило так много и решительно доказывать «естественность» для России заимствованного у Запада марксизма, причем именно как свободной религиозности, упуская при этом в своей книге из рассмотрения не только психологические особенности прозелитизма, но и (что вовсе не по-марксистски!) экономические противоречия предреволюционного периода, а также наш вечный земельный вопрос. Таким образом, автор заведомо ограничивает поле своего исследования определенными рамками предмета. Кстати, об экспорте западных идей. Все чаще слышишь, что Россия, мол, страдала учение З. Фрейда и что неофрейдизм и есть искомая и вполне естественная для современного россиянина «свободная религиозность». Не удивлюсь, если кто-нибудь из *фрейдороссов* вскоре страстно «докажет», что коль скоро фрейдизм вырос из ветхозаветной доктрины *обрезания* как символа связи истинного человека с Абсолютом, а Ветхий Завет есть важнейшая часть христианского вероучения, то, следовательно, христианству атрибутивен не только теизм, но и атеистический фрейдизм. И тогда нас призовут почитать Зигмунда Фрейда в связке с Моисеем и Христом. Впрочем, часть наших влиятельных россиян давно уже исповедуют идеологию сексизма, используя в своей миссионерской деятельности средства массовой информации.

Вера обычно не терпит экуменического совмещения взаимоисключающих кредо. Нормальный христианин всегда будет противиться попыткам уравнивать его с безбожником, сблизить теизм и атеизм. Как беременность не может быть половинной, так и вряд ли представим «свободно-религиозный человек», который наполовину уверовал в Бога,

а в остальном не испытывает сомнений в атеистическом гуманизме. Например, мне ясно, что автор искренно исповедует именно марксистскую веру, но вовсе не православие и, следовательно, не пребывает в состоянии «божественно-атеистической свободной религиозности». Это его право, и пустое дело спорить о преимуществах той или иной религии. Однако теоретически обосновываемая им идея о православной природе советского марксизма мне представляется спорной и малоубедительной.

В этом научном издании В. Д. Жукоцкий проявляет себя интересным философом и способным публицистом. Он свободно владеет словом и материалом, умело и красиво работает с идеей социоцентрической религиозности советского марксизма и извлекает из нее нетривиальные следствия теоретического и прикладного характера.